

XIV. Парламентаризм и Социализм

(Liberté. 1869. № 82)

Чтение наших ежедневных газет, приносящих в своих корреспонденциях и депешах, разнообразные новости из заграницы, каждое утро приводит нас в новое недоумение. Невозможно нахальнее исказить истину, невозможно бессовестнее сводить все события к исключительному смыслу столкновения партий. Говорится ли о Германии или Франции, – кажется, как будто вся жизнь этих больших государств сосредоточивается в парламентской оппозиции; стоит ей поколебаться, – и всё погибло; стоит ей наоборот, получить перевес – мы в двух шагах от революции.

О действительной жизни народа – ни слова; волнующие его вопросы, движения общественной мысли, выработка новых идей и группировка новых лиц, всё это оставляется без внимания, если какой-нибудь парламентский оратор не возьмёт на себя труда сделать это предметом своей речи. Что касается Франции, то в продолжении двадцати лет нас заставляли читать сообщения о каждом движении, о каждом слове, вырвавшемся у одного из пяти или шести ораторов оппозиции, находившихся в палате; вся политическая агитация будущих выборов, по-видимому, будет посвящена единственно тому, чтобы увеличить число этих героев, которым ничего не стоит принести присягу; но стоит лишь спросить о том, что делают наши работники и крестьяне, какие мысли занимают нашу молодёжь, или о том подходит ли настоящее положение вещей к социальному идеалу, созданному французской наукой и философией, чтобы наши газеты отвечали глубоким молчанием.

Народ не только уступает этим мнимым своим представителям право законодательствовать; он сам совершенно отчуждается, благодаря этому, от этой деятельности и приходит с ней в соприкосновение разве только на официальной почве. Желая, чтобы парламентаризм продолжал процветать у нас, несмотря на его очевидную нелепость, несмотря на его с каждым днём всё более и более решительный разрыв между ним и истинной Бельгией, нам думают представить поучительный пример в якобы исключительно парламентской жизни других государств. Вся французская позитивная наука, все социальные вопросы бледнеют перед речью господина Жюля Фавра.

А между тем, для всякого, сколько-нибудь следящего за медленным, но глубоко сознательным ходом французской науки, становится ясным, что парламентаризм для наших соседей не более как устарелая и бесплодная форма, годная разве на то, чтобы красивыми фразами услаждать досуг серьёзного народа, но абсолютно неспособный что-либо создать. Работники и крестьяне, люди науки и труда нимало не интересуются энергичными и

красивыми речами официальных говорунов. В продолжении двадцати лет, вся эта болтливая оппозиция ни на шаг не продвинулась вперёд, и последние выборы в генеральные советы доказывают, что общественное мнение скорее симпатизирует правительству, разделяя его ненависть к этим адвокатским спорам. Давно уже отыскивают и без сомнения найдут простую и справедливую форму организации производительных сил, которая бы обеспечивала стране равенство и благосостояние; почти все без исключения согласны, что, как политическая форма, необходима республика, дающая естественной энергии возможность правильного развития, но никто уже не рассчитывает, чтобы это превращение было достигнуто посредством так называемого национального представительства. Все понимают, что по самой своей природе, такое представительство, будучи результатом беспорядочных выборов, не руководствовавшихся истинными интересами, способно только истощаться в метафизических и бесплодных словопрениях, в слабой оппозиции против тщеславия и честолюбия ораторов, но совершенно не в состоянии служить представителем действительных интересов страны. Да и чего, в самом деле, можно ожидать от людей без определённых полномочий, служащих представителями двадцати противоположных интересов и в то же время обязанных создавать общие законы, которые наконец, желая сохранить своё положение, не имеют даже возможности выбора между этими категориями своих избирателей. В вопросах религиозных и философских они в одно и то же время служат представителями и верующих, и атеистов, в экономических вопросах – капиталистов и наёмных работников, в политических вопросах – децентралистов и централистов. Что же им остаётся делать, как не стараться о том, чтобы эти вопросы никогда не были разрешены, и поддерживать status quo, да и то, рискуя обмануть доверие половины своих избирателей.

Представительная система действительно имела смысл и удержалась в Англии, так как там общины представляли группу общих интересов противоположных интересам, отстаиваемым лендлордами; мы же заимствовали у англичан политическую форму, не поняв исторический смысл их учреждений, и вместо того, чтобы распределить классы соответственно действительному положению вещей, с тем чтобы интересы каждого класса имели своих действительных представителей, вместо того, чтобы этим путём сделать возможным социальный договор, мы только внесли в политическую жизнь континента страшную кутерьму.

Во Франции эта кутерьма, испытанная в продолжении сорока лет конституционной монархии, трёх лет парламентской республики и двадцати лет империи, разрушила все иллюзии. В настоящее время работники, по крайней мере, в сознании, резко разграничили свои интересы от интересов капиталистов; буржуа со своей стороны согласились на такое разграничение; результатом этого может быть гражданская война, которая кончится господством победившего класса над побеждённым или же равновесие, достигнутое путём свободного договора, смотря по тому изберут ли противники путь насилия или путь мирного соглашения; но во всяком случае никто уже не придаёт значения прениям и декретам общих собраний, которые, воображая себя представителями всех, в сущности не представляют никого.

Империя сделалась для всех чем-то вроде отдыха, или бивуака[59] перед битвой; при ней, разумеется, плохо живётся, но, подобно тому, как солдат готов спать на голой земле лишь

бы отдохнуть и восстановить свои силы, так отдыхают на мгновение во время империи, мечтая о близости лучшего будущего.

В начале буржуа надеялись, что империя упрочит их владычество; многие рабочие в свою очередь надеялись, что она возьмёт на себя защиту и завоевание их прав; это недоразумение в течении долгого времени благоприятствовало императорскому правлению; но в последствии как та, так и другая сторона убедились, что в таких вопросах каждый принужден сам заботиться о своих делах и что никакое правительство не может взять на себя подобной миссии. Результатом естественного ужаса, произведённого таким открытием, было то, что зло, укрепившееся, благодаря недоразумению, продолжалось и далее. Во всяком случае смешно было бы думать, чтобы какое бы то ни было расширение политической свободы или новое проявление парламентского нахальства способны были предохранить Францию от той великой социальной борьбы, которая с каждым днём всё более обнаруживается. Не только старые партии, но даже сам Наполеон был бы очень рад найти какой-нибудь благовидный выход из этого положения. Всё доказывается, что Наполеон, подобно либералам, вовсе не прочь поиграть в парламентаризм, и эти последние положительно ошибаются, считая его в этом отношении за своего врага, как они утверждают уже двадцать лет; напротив, в настоящее время они смело могут рассчитывать на его покровительство и помощь в деле осуществления такого поворота. Это так несомненно, что не пройдет и шести месяцев, как мы увидим господ представителей оппозиции, опирающихся на империю, чтобы вместе благополучно перебраться через пропасть. Но непрочный мост, который они постараются перекинуть через эту пропасть, подломится под их ногами и результатом будет то, что поле действия останется за социалистами. Ведь в настоящее время все французы – социалисты, как те, которые хотят преобразить общество, руководствуясь интересами капитала и авторитета, так и те, которые стремятся воссоздать его на началах свободы и труда.

Все сознают, что эта задача ждёт окончательного решения, и решение это тем или другим путём будет достигнуто.

Из всего этого ясно следует, что если Бельгия по-прежнему будет довольствоваться знакомством с Францией по её парламентской оппозиции и по бесплодным манёврам, изобретаемым нам по времени старыми партиями, пытающимся доказать этим своё существование, то она этим докажет, что довольствуется внешностью и будет чужда совершающимся действительным фактам. То же самое можно было бы сказать относительно Германии, если бы там положение не усложнялось ещё вопросом объединения; а разве эта пресловутая английская избирательная реформа, о которой столько кричали, не есть, в сущности, также чисто искусственное явление, изобретённое политическими деятелями с целью задуть социальный вопрос? Большая часть английского народа поддалась этому обману; но результат голосования должен был раскрыть им глаза, и в непродолжительном времени бесплодность этой реформы сделается для них настолько же ясной, насколько ясна бесплодность реформ, обещанных теперь Франции.

Если, следовательно, Бельгия будет судить о состоянии Европы по тем ложным и фантастическим картинам, которые рисуются нашими парламентскими журналистами, то в

конце концов окажется, что в тот день, когда падут последние завесы, мы очутимся перед новым, проснувшимся миром, не имея ни критерия, ни ясного понимания фактов; и наша страна, долгое время обманывавшаяся иллюзиями, внезапно очутится в последних рядах народов.

К счастью, молодая и жизненная сила нашего народа уже сама отыскивала истинный путь. Не обладая достаточными сведениями относительно того, что его окружает, несмотря на всеобщие старания обмануть его, наше рабочее население по собственной инициативе и собственными усилиями подняло тот камень, который старались взвалить ему на голову. Когда соседние нации будут решать вопрос века, они не только найдут Бельгию совершенно подготовленной к пониманию его, но обладающей целым рядом идей, ей собственно принадлежащих и носящих на себе характер страны. Всякий, кто возьмёт на себя труд, подобно нам, взглянуть на бассейн Шарлеруа, Боринажа, области Льеж, Вербье, Антверпен, Гент, убедится, что всюду, точно также как и в Брюсселе живо преследуется социальный вопрос, почти исключительно поглощающий все заботы работников. Не проходит почти ни одного воскресенья, чтобы в различных местах Бельгии не собиралось от восьми до десяти митингов, посвящённых рассуждениями об экономических вопросах.

Во Франции, где во всём обнаруживается дух централизации, что, разумеется, зависит от исторических условий, выработавших эту централизацию, один Париж мыслит за всю остальную часть нации. Здесь же, благодаря нашим федеральным традициям, все провинции, как мы видим, сообща стремятся к одной и той же цели. Тем хуже для капиталистической буржуазии и для её органов, если они по-прежнему систематически остаются чужды этому широкому движению. Настанет день, когда народ-работник первым порывом своим уничтожит их. В настоящее время мы можем объявить им только одно – что все их двадцатилетние старания скрыть от бельгийского народа действительное настроение умов в Европе оказались тщетными. Наши работники находятся на высоте социализма Франции, Англии и Германии.

Может быть молчание наших газет относительно этих важных задач даже послужило нам на пользу. Результатом этого было то, что во всей Европе одни бельгийские работники никогда не смешивали политического вопроса с вопросом социальным; что они, не полагаясь на господствующие классы и на расширение политических прав в деле осуществления своей идеи, и рассчитывая в своё время преобразовать по-своему политические учреждения, признают важное значение социальной экономии и смотря на неё, как на самостоятельный вопрос.

Когда им предложат всеобщую подачу голосов, которой они и не думают добиваться, – окажется ли она в их руках плодотворнее, чем обыкновенно? Что касается нас, то мы в настоящее время посоветовали бы им отвергнуть её. Прежде мы требовали права всеобщей подачи голосов, как средства для политического и социального воспитания работников; теперь же, когда они достигают его собственными силами, им нечего более ожидать от этого права. Какая бы польза была в том, что они заседали бы в парламенте попеременно с капиталистами. Пусть же они лучше группируются самостоятельно и создадут самостоятельную, исключительно рабочую палату, которая бы могла служить действительным противовесом буржуазной палаты, существующей у нас в настоящее

время.

Если бы наши работники и крестьяне осуществили эту мысль, наша страна опередила бы всю Европу. В силу самих учреждений различные интересы определялись бы ясно; два представительства, очутившись друг против друга, имели бы возможность измерять свои силы и выяснять свои права.

Генеральное собрание 1789 года происходило при очень благоприятных условиях благодаря тому, что представители были разделены по сословиям. Когда третье сословие очутилось лицом к лицу с духовенством и дворянством, оно поняло своё могущество, свою будущность и свою задачу.

Если все три сословия с первого же дня были бы собраны в одну общую палату, если бы они не были обособлены по сословиям, они быть может предались бы бесплодным прениям, и колеблющееся большинство создало бы те метафизические законы, на которые парламентаризм был всегда так щедр.

Версия #2
[redacted] [redacted] создал 22 июня 2025 02:07:21
[redacted] [redacted] обновил 22 июня 2025 02:18:14